

Евгений Асноревский

Мальчики и девочки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Евгеньевич Асноревский

Мальчики и девочки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63573452

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник концептуально связанных рассказов о белорусской жизни. Перед читателем предстанут, в частности: мальчик сирота, белорусскоязычный милиционер, жена чиновника, учительница литературы, обвиняемая в странном преступлении, шизофреник, разговаривающий с памятниками Ленину, дедушка, живущий в глухом лесу и бездомная девушка. Все эти истории – части пазла, показывающего реальность современной Беларуси. Содержит нецензурную брань.

Евгений Асноревский

Мальчики и девочки

Интро

Как-то я – волосатый философ Марк, и один простой писатель – мой знакомец, сидели на заборе. Нам немного мешала колючая проволока, а над нами торчала высокая телебашня. А вот перед нашими глазами маячила старая машина. Прекрасная картина, вообще-то. И вот мой друг писатель спрашивает меня:

– Скажи, Марк, чем мы займёмся сегодня? Мы же не будем снова крутить твои пейсы?

– Нет конечно, – сказал я. – Сегодня я расскажу тебе восемь истерий... ой, то есть историй.

– Так историй или истерий?

– Можно сказать и так, и так, – отвечал я.

– Ну давай, рассказывай, – сказал мне мой друг простой писатель.

Максимка

Здравствуйте, дорогие мои! Кланяюсь всем тем, кто читает эту тетрадь. Зовут меня Максимка Богушевич. От роду мне одиннадцать лет, а родился я в 1907 году, около Гродно. Папа говорит, что я смышлён не по годам и что я должен

много читать и учиться красиво писать. Иногда он шутит, что я, быть может, стану писателем. Мне и правда очень нравится писать и от того я решил вести дневник. Для этого дела папа дал мне свою тетрадь. Она очень хорошая и большая. Я думаю, когда-нибудь тетрадь эту кто-нибудь прочтёт и поэтому написал, что кланяюсь тому, кто её читает.

13 декабря, год 1918

Мой папа уже месяц как пропал. Пошёл в лес за дровами, и не вернулся домой. Других родных у меня нет потому-то и отправили меня в приют. Приют этот занимает монастырь святых Бориса и Глеба. Стоит он на горе над самым Неманом, который я очень люблю. Раньше мы ловили в Немане рыбу с моим старшим братом Лёвушкой. Лёвушка говорил, что Неман наш батька, а потом смешно взмахивал руками и повторял очень грозным голосом: «Батька!» Рыбы, бывало, вытягивали много. Однажды словили даже огромную щуку. Говорил Лёвушка, что она полпуда весом. Я так брать её боялся. Очень уж у неё была страшная морда. А Лёвушка смеялся с меня. Лёвушка погиб на войне с немцами. Теперь у меня только папа.

20 декабря, год 1918

В приюте увидел я флаг. Белый, а посередине красная полоса. Висит он на самой бреме. Никогда такого не видел, но мне он чем-то понравился. У нас есть школа, а в ней препода-

даёт очень хорошая учительница, которую я зову тётёй. Тётя Текля Станишевская, которая учит нас в школе, говорит, что это флаг нашего простого народа. Я очень люблю тётю Теклю и боюсь её. Один мальчик сказал мне, что она первая учительница, которая учит на нашей «простой мове». Не знаю откуда он это взял. Должно быть, кто-то из старших сказал ему это. Мой папа говорил, что я должен учиться на нашем языке. А мне очень нравится русский язык, но я согласен с папой, что наш язык нам родной до костей, потому что он от нашей земли и предков.

27 декабря, год 1918

Тётя Текля говорила сегодня в школе, что в город приехал важный человек и он будет теперь главным в стране, в который мы сами будем свободным народом и хозяевами на землях своих. Его фамилия Луцкевич. Я хочу запомнить эту фамилию. Тётя Текля говорит, что он наш освободитель и пророк. Я не очень понимаю, что такое пророк. Интересно, что сказал бы папа.

29 декабря, год 1918

Мы ходили в город с нашим воспитателем дядей Пашей. Какой-то немец остановил нас и смеялся над нами. Он говорил, что мы маленький народец и мы должны подчинятся немцам, а из-за того, что немцы проиграли войну нас теперь будут делать поляками. Немец только немного знал русский

язык и у него получались очень смешные слова. А кроме того, он ещё и картавил. Дядя Паша сказал нам, что мы не поляки и что он бы поляков вешал, а немцев всех до одного расстрелял бы. Он очень разозлился, но быстро успокоился. У него есть маленькая фляжка, из которой он пьёт самогонку и после того как выпьет – сразу успокаивается. Мне кажется поляки неплохие люди, только очень гордые. Там говорил папа.

1 января, год 1919

Справляли в приюте Новый год. Я вспомнил как мы праздновали с папой и Лёвушкой. Тогда папа сам приготовил нам большой пирог и налил самодельного вина. Я очень скучаю по папе.

2 января, год 1919

У нас есть в приюте мальчик по имени Адамас. Фамилия его Казлаускас. Он говорит, что скоро Гродно будет частью Литвы и все мы станем литовцами. Мне он сказал, что у него настоящая литовская фамилия и что моя фамилия тоже станет литовской и я буду зваться Богушавичус. Дядя Паша слышал наш разговор и ответил, что это у меня настоящая литовская фамилия, и что это Адамас должен быть Козловичем, а не я Богушавичусам. Я бы не хотел, чтобы меня звали Максимкас. А мы сами дразним этого Казлаускаса кличкой Мадамас.

15 января, год 1919

Мы гуляли с дядей Пашей по набережной у Старого замка. Там нам встретился какой-то поляк. Они с дядей Пашей разговорились. Поляк этот стал доказывать, что Гродно испокон веков был польским и скоро земля эта опять отойдёт Польше, которая уже собирается с силами, чтобы землю эту окончательно забрать себе. Дядя Паша слушал его и только грозно двигал бровями, а поляк всё говорил. Потом он стал размахивать руками и даже кричать, что и Брест – их город, и что Минск – польский, и далёкий Витебск должен принадлежать Польше, а не москалям. А наш дядя Паша только молча высморкался. Тогда поляк стал говорить, что никаких беларусов нет и что скоро каждый житель Гродно должен будет признать себя поляком, а если кто не захочет добровольно, того заставят. Вот после этих слов дядя Паша размахнулся и ударил поляка в челюсть, от чего тот сразу упал и долго лежал без чувств. Мы принесли из Немана воды и вылили ему на лицо. Скоро он очнулся. Дядя Паша поднял его под мышки, дал ему хлебнуть своего самогона, хлебнул сам, и слегка толкнул поляка в спину, а тот пошёл по набережной; слегка пошатывался и говорил себе под нос: «Курва». Пока мы шли назад в приют дядя Паша кричал, что очень не любит поляков и тогда я спросил его: к какому народу он сам себя причисляет? Дядя Паша не ответил. Тогда я спросил не считает ли он себя беларусом или тутейшим? Тогда дядя

Паша сказал, что он поляк. Я подумал, что странно, что дядя Паша бьёт поляков и не любит поляков, но сам поляк, а он, как будто прочтя мои мысли, добавил, что он тугейший поляк, а это что-то совсем другое и очень отличное от просто поляка.

7 февраля, год 1919

Мы ходили с дядей Пашей на Сенной рынок. Там делал выступление какой-то жид в фуражке с красной звездой. Он говорил, что место беларусов в единой семье народов Российской Империи, и что теперь, когда эта империя развалилась, настоящую власть получил простой рабочий народ. Он махал руками и кричал: «Мы славяне! Нас не уничтожить классу грабителей панов!» Людей было много, но они все отходили от жида подальше и делали вид, что его не замечают.

19 февраля, год 1919

Сегодня самый счастливый день моей жизни! Вернулся мой папа! Оказывается, когда он был в лесу, на него напали немцы мародёры и стали требовать денег, а когда он сказал, что у него ничего нет, они его избили, пырнули ножом и сняли с него всю одежду и обувь. Папа думал, что умрёт и уже не увидит меня, но его подобрала какие-то люди из деревни, которая была рядом с лесом. Папа долго болел, а они его выхаживали и сейчас он даже и не знает, как их отблагодарить. Теперь я уже не в приюте, папа забрал меня в малень-

кую квартиру, которую снял на те деньги, которые заработал до войны. Оказывается, зарыл он их в каком-то лесу.

1 мая, год 1919

Мы с папой живём трудно, но с ним мне гораздо лучше, чем в приюте. Я бы хотел попасть на могилу Лёвушки, но не знаю, где она. Теперь в городе правят поляки, а наша родина теперь Польша.

25 мая, год 1919

Я видел необычный сон. Как будто на месте монастыря в котором был наш приют построили странный дом, с кривыми стенами и статуей коня над входом. Я был внутри и видел, что это похоже на очень большой театр. Я один раз был с папой в театре и мне понравилось. Так вот, в этом театре выступал какой-то человек, а на сцене висел венок с красной звездой. Человек говорил, что главное это братский союз... и тут я проснулся...

2 июня, год 1919

Папа позвал меня и сказал, что раз теперь мы живём в Польше, то должны стать поляками. Он был очень грустным, мне даже показалось, что он может заплакать. Но он не заплакал, а стал говорить со мной про польскую школу. Я не хочу в польскую школу, но раз папа говорит, что мне надо в неё идти, значит – я так и сделаю!

7 мая, год 1926

Я нашёл этот свой старый дневник. Как много времени прошло с тех пор как я писалем в него. Цо ешчэ я мог бы додаць сюда. Старая учительница моя тётя Текля Станишевская – давно умерла. Я после польской школы хочу поступить до польского университета. Хочу учиться в Варшаве. Живём мы с папой неплохо, Польша потихоньку европеизирует наш крэсовы городок. Я хочу положить эту тетрадь в бутельку и выкинуть в Неман. Вдруг кто-нибудь когда-нибудь найдёт эти записи. Какими бы ни были тогда люди, и в какой стране бы ни жили, я мам надзею, што они будут любить свои родные места.

Андрейка

(Мой дневник в котором нет дат, так как пишу по памяти и даты не помню)

Дверь в кабинет начальника всегда вызывала у меня уныние. Да-да, один взгляд на её тёмную, вечно грязноватую поверхность, сразу же приводил меня в состояние крайней нервозности. Поэтому я хотел проскочить её как можно быстрее. Негромко стукнув в ненавистную преграду, два раза, костяшками пальцев, я нажал на обшарпанную ручку и решительно вошёл.

– Разрешите, Александр Брониславович, – спросил я, войдя в кабинет.

– Заходи, Андрей. Ну чо, змагар? Уже видел?

Начальник опять назвал меня змагаром. Почти всё управление называло меня так, из-за того, что я разговариваю почти исключительно на белорусской мове. Что тут удивительного? Я живу в Беларуси, я – беларус. Моя мама была учительницей мовы в школе. Почему я не должен говорить на родном языке? Хотя... никто прямо и не говорит, что не должен. Просто все вокруг смотрят на меня, как на пришельца. Да ещё эти шуточки...

– Так ты видел? – повторил свой вопрос Александр Брониславович.

– Что именно?

– Надпись на нашем здании, что! – отрезал начальник.

– Нет. Как-то не заметил. Спешил на дежурство.

– Слева от входа здоровенными буквами написано «Диктатура». – сказал Александр Брониславович, голос которого становился всё сердитее.

– Честно, не видел.

– Ну так сходи и посмотри! Потом вернёшься!

Я вышел из кабинета и пошёл по длинному коридору к выходу из здания. Мой отец был милиционером, как и мой дед. Но может быть мне не стоило продолжать эту традицию? Династия? Ну да... династия. Но когда-то же надо начать новую... Зачем мне это? Просто я с детства мечтал стать мили-

ционером. И вот – стал! Работаю несколько лет. Работа, конечно, не сахар. Как-то я бежал за хулиганом и выкрикивал приказы остановится, а он на суде потом сказал, что не понимал меня так как не знает языка, на котором я ему кричал. Белобрысый белорусский парень по фамилии Андрушевич не знает языка...

Я вышел на улицу и осмотрелся. Слева от входа действительно сияла яркая большая надпись: «Диктатура» выписанная жёлтыми буквами, довольно аккуратно. Я вернулся в кабинет начальника.

– Ну чо видел? – спросил Александр Брониславович, оторвавшись от изучения документов.

– Так точно.

– Я вот думаю, не ты ли это написал, змагар ты наш. А?

– Что? – мой голос звучал удивлённо. – Да как вы вообще можете меня подозревать? Ерунда какая-то. Зачем мне это?

– Так ты ж у нас самый несознательный.

– Это почему же?

– Сам знаешь! – заявил начальник.

– Понятия не имею.

– Ну хватит придуриваться, Астапеня! – прикрикнул полковник. – Ты, *лять, всё понимаешь... А если не хочешь, чтоб тебя, в таких ситуациях, подозревали, то и веди себя как человек, разговаривай нормально...

– А я что ненормально разговариваю? Я что не имею пра-

ва разговаривать на родном языке, который, кстати, государственный...

– Имеешь, имеешь, – прервал меня Александр Брониславович, – я просто тебе по-доброму хотел посоветовать... ну чтоб ты в такие вот ситуации не попадал.

– Да какие такие? У вас вообще никаких оснований меня подозревать нет.

– А вот и есть.

– Нет, нету оснований.

– Ты мне ещё будешь тут пререкаться, стервец! – крикнул начальник.

– Никак нет, – ответил я.

– Короче, ясно всё с тобой... Иди и подумай о своём поведении!

– О чём конкретно подумать?

– Свободен! – гаркнул полковник и я вышел из кабинета.

Надпись закрасили быстро. Но через несколько дней она снова появилась на том же месте, почти такая же, как первая. Большая, сделанная жёлтой краской, надпись: «Диктатура» снова будоражила наше милицейское управление, здание которого раскинулось в центре города на небольшой горке. С утра я был на работе и меня опять вызвали к Александру Брониславовичу.

– Видел? – спросил полковник, глядя на меня исподлобья.

– Так точно, видел.

– Что думаешь?

– А что я могу думать?

– Ты мне дурочка не лепи! – крикнул начальник.

– Виноват...

– Ну, короче, Астапеня, спрошу прямо: ты писал?

– Нет не я, – сказал я твёрдым тоном, глядя полковнику

прямо в глаза.

– Хм... А я вот на тебя подумал.

– Это я уже понял.

– Ну раз не ты, то хорошо. Давай тогда займись этим делом. Нужно найти этого художника *лять мать его... Зайди к Коле. Пусть тебе покажет записи с камер. Крутись как хочешь, а найди этого *лять Айвазовского...

– Айвазовский писал морские пейзажи, – сказал я и тут же прикусил язык.

– Ты что ещё и умничать будешь? – кисло ухмыльнувшись спросил начальник.

– Нет.

– Пошёл нахрен отсюда к Коле! – загремел Александр Брониславович, поднимаясь с кресла и быстро краснея.

– Есть! – испугано крикнул я и, чеканя шаг, вышел из кабинета, услышав в спину «Змагар, мать твою.»

– Здорова, Андрюха змагарок, БЧБ не захватил? – сказал Коля, когда я вошёл в его кабинет. – Ты небось насчёт записей с камеры над стенкой, на которой эта хренова надпись, да?

– Да, – ответил я.

– Нет там ничего.

– Как это ничего нет? – пробормотал я. – С крайней камеры должно быть видно.

– Должно, но не видно, – сказал Коля.

– Мда... – сказал я задумчиво.

Через неделю надпись опять закрасили, а ещё через день она появилась снова.

– Ну как успехи? – спокойно спросил Александр Брониславович, но моё привычное ухо различило едва уловимые нотки ярости в его голосе.

– Я... я не знаю... – промямлил я.

– А кто знает? Кто должен, мать твою, знать, – заревел начальник. – У Коли был или бегал на митинг с БЧБ?

– Так точно, был, – ответил я.

– И что? – спросил полковник.

– Ничего. На записи ничего нет.

– Мать вашу, да как на записи может ничего не быть, если крайняя камера захватывает эту стенку, а?

– Я... я не знаю... – пробормотал я.

– Тридварасы, мать вашу, – бушевал начальник. – Ладно, я кое-что придумал, – сказал он немного успокоившись.

Через день над тем самым местом, которое облюбовал для себя неугомонный художник, поставили ещё одну камеру. Надпись успели закрасить за два дня до этого. Однако через несколько дней она появилась вновь, а Коля доложил, что и

новая камера не смогла зафиксировать неуловимого любителя жёлтой краски.

– Ты мне положишь удостоверение на стол, змагар! – угрожающе прошипел полковник, когда я снова вошёл в его кабинет.

– Да за что? – почти выкрикнул я.

– А за то, змагар, – отрезал Александр Брониславович.

– Да я ведь не виноват... Что я могу сделать?

– Кое-что можешь, твою мать, – сказал полковник, слегка постукивая пальцами по столу и довольно улыбаясь. – С сегодняшней ночи будешь дежурить в машине и подкарауливать этого Айвазовского...

– Айвазовский... – начал было я.

– Что? Что ты там хотел сказать? – спросил Александр Брониславович, слегка приподнимаясь в кресле.

– Нет, ничего, – ответил я и опустил глаза.

– Вот так лучше, – заметил начальник. – Можете идти, Астапеня.

Три следующие ночи я дежурил в машине, запаркованной неподалёку от стенки, на которой периодически красовалась жёлтая надпись. Было очень тяжело, но я добился результата! Надпись не появилась.

– Ну вот видишь, Андрей, – сказал Александр Брониславович, – есть результат. Может оставить тебя дежурить ещё на месяцок?

– Но... – начал было я.

– Ладно уж, – сказал полковник и рассмеялся. – Вижу, что ты еле на ногах стоишь. Можешь отоспаться. Скачи домой, как эта ваша Павоня.

– Пагоня! – поправил я.

– Свободен! – сказал полковник и махнул рукой.

Я вышел из кабинета. А через два дня жёлтая надпись: «Диктатура» снова виднелась на стене управы. Она казалась даже немного большей, чем предыдущие. Я был в ужасе предвкушая, что теперь сделает со мной начальник. Но меня никто не вызывал. Всё было тихо. А ещё через несколько дней к непобедимому жёлтому слову, которое почему-то не стали закрашивать, прибавилась более мелкая и корявая надпись, сделанная красной краской. Это было одно слово: «Пролетариата».

– Диктатура пролетариата! – прочитал вслух Коля, стоя рядом со мной возле расписанной стенки.

– А почему не закрашивают? – спросил я.

– А зачем? – ответил вопросом на вопрос Коля. – Это одну диктатуру нельзя, а диктатуру пролетариата – можно. Одно слово похоже на одну рюмку – мелочь, а может всё поменять, – добавил он и поднёс ко рту сигарету.

– Слушай, Коля, что это всё значит? Ты же заведешь камерами. Ты же понимаешь, что такого не может быть, чтобы надпись появилась, а того, кто это писал – на видео не было.

Коля немного помолчал, а потом посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

– Ну да, я действительно заведую камерами, так что если я сам с этими записями поколдую, то и концов нет. Был человек на видео и сплыл.

Коля расхохотался, глядя на моё недоуменное выражение лица.

– Но... зачем тебе это? – спросил я растерянным тоном.

– Ну так это же я и писал на стене, – ответил Коля.

– Ты? – шёпотом проговорил я, широко раскрытыми глазами глядя на него.

– Я! Тебе вот, признаюсь. Потому что ты, можно сказать, мой герой.

– Но зачем ты это делал?

– Ты говоришь на родном языке, а я на нём пишу, – ответил Коля и глубоко затянулся сигаретой. – Я вообще с детства люблю похулиганить. И Купалу тоже очень люблю. И Богдановича люблю, больше всего, кстати. И тебя тоже люблю. Нас тут таких вся управа, кроме начальства. И мы все тебя любим. А насмехаемся, чтобы на нас не подумали... ну что тебя поддерживаем не подумали. Может быть и не надо было мне признаваться. Но ты же меня не выдашь, правда?

Я стоял молча, осмысливая информацию.

– А зачем ты дописал «пролетариата»? – через минуту спросил я.

– Так это не я, – ответил Коля. – Это Александр Брониславович. Сам потихоньку накалякал ночью. Выкрутился-таки, хитрован, – добавил Коля и рассмеялся.

Наташка

2006 г.

Я не вела дневник с моих пятнадцати лет. А сейчас мне (страшно писать даже) уже двадцать пять. Хотя... Не стоит тут врать хотя бы самой себе. Мне даже чуточку больше, чем... двадцать пять ... Ладно... хватит про возраст. Что же мне ещё такое тут написать? Пожалуй, начну с начала. Я хочу тренировать эту их мову. Ну беларускую. Говорить у меня получается совсем плохо, но писать могу немножечко получше... Поэтому этот дневник будет строго на беларуском. Это я себе обещаю. Честное слово! О! Кажется, пришёл Антошик. Продолжу потом.

***

Сделала Антошику обед. Люблю его... бубачку. Так вот! Я хочу тренировать эту их мову, потому что боюсь Этих. Их всё больше вокруг и как-то мне стало казаться, что они могут взять и... ну... как бы это написать то... В общем, боюсь, что они станут управлять, а не мы. Мой Антошик работает на должности, ну и я при нём – помогаю. Быть женой чиновника нелегко, хотя все думают, что очень даже легко. Ну я ещё дальше напишу о своих трудностях.

***

Я пыталась уговорить Антошика тоже учить эту их мову. Но он пока упирается. Хотя говорит, что и так её знает. Я попросила его поговорить. Он сказал мне: «Я очань добра владзею мовай майго народа, но считаю, што патрэбна уважаць права людзей, якія хочуць гаварыць па русску, тем больш, што гэта гасударственный язык». Мне кажется у него получилось не очень хорошо. Так что буду пытаться его заставить учиться.

***

Антошик купил мне Victoria's Secret!!!! А-а-а-!!!! Я просто счастлива. Сказал, чтоб я только отцепилась от него со своей мовой. Ну так и быть, ради такого можно и отцепиться. Побегу мерить.

***

Я разочарована. Эти трусы так режут мне задницу, что я просто не могу нормально ходить. Да и лифчик мне маловат. Но они такие красивые!!! Что же делать? Как вот решить такие проблемы? Как обидно...

***

Я всё ещё переживаю из-за трусов. Как глупо. Это Анто-

шик виноват! Он же знает мой размер. Какая же он сволоч!!!

***

Я долго ругалась с Антошиком и он сказал, что размер правильный, а просто я за последнее время резко поправилась. Я посмотрела на него так, что он быстро убежал на кухню. Как взрослый мужик вообще может совершать такие детские ошибки? Он же знает, что теперь не получит чего хочет минимум неделю.

***

Прошло только 3 дня, а я уже и сама очень хочу. А этот гад делает вид, что всё нормально и спит на диване. Ненавижу!!! Чтобы отвлечься я стала делать полезное дело. Я нашла в подвале нашего дома старый красный флаг, вроде как советский, и вырезала из него полоску. Теперь нужно ещё две белых (надо будет порезать простыню) и из этого всего получится этот их БЧБ.

***

Антошик в ярости!!!! Он кричал, что красный флаг ему достался от деда. Наконец-то этот паразит переживает. Аха-ах-ах.

***

Прошлой ночью мы несколько раз с Антошиком помирились. Теперь у меня такое хорошее настроение с утра. Я прямо как кошечка. Мур-мур-мур. Ночью, сразу после секса, Антошик сказал мне: «Власть должна любить свой народ так, как я только что любил тебя». Мой муж, наверное, всё-таки очень умный. Я восхищена. Теперь нужно заставить Антошика сфоткаться с этим их БЧБ.

***

Ну и долго же он упирался. Но всё-таки согласился сфоткаться. Я встала к нему, мы накрылись БЧБ, а мой племянник нас сфоткал. Теперь эту фотку можно припрятать, а если Эти когда-нибудь всё захватят мы с Антошиком покажем им эту фоточку. Какая я умница. Ля-ля-ля. Я просто гений!

***

Я ходила делать интимную стрижку, и мастер сказала: «Наталья, у вас самая красивая писечка, что я видела...» Я ещё никогда так не гордилась собой.

***

Ну вот, кажется, начинается. Тут Антошик решил снести в городе какой-то старый дом. Развалюху, прямо ска-

жем, а Эти подослали каких-то типа историков – херориков и они Антошику парят мозг, что вот эта вот рухлядь – историческая ценность. Да блин... Здесь что-то не так. Я долго смотрела на этот домик. Как он может быть ценным, если у него даже стены покрашены в страшненький цвет. Просто они что-то там такое придумывают. Как страшно! А тут ещё дом убирать. Ненавижу уборку. И как я одна могу справляться в таком большом доме даже без прислуги – сама не знаю.

***

Антошик всё-таки снёс эту халупу. На этом месте должен быть какой-то ТЦ. Это же хорошая идея. А Эти всё орут. Они прям взъелись на Антошика. Пойду вытью Хенесси. Мне это очень нужно.

***

Они продолжают хаять Антошика и плакать о своём доме. Откуда только берутся такие дебилы!!! Ненавижу!!!

***

Что же это делается... Сегодня ночью Антошик разбудил меня и сказал, что ему приснился этот снесённый дом. Он не мог успокоиться. Сказал, что и не помнит, чтобы ему снился такой страшный кошмар. Бедный бубочка.

***

Сегодня Антошик долго стоял и смотрел на наши антикварные часы с кукушкой, а потом сказал, что они напоминают ему тот дом. Да что такое с ним происходит? Я начинаю по-настоящему волноваться.

***

Ужас!!! Ужас!!! Ужас!!! Антошик каждую ночь видит во сне тот дом. Он теперь вообще почти не спит. Стоит ему заснуть, как он оказывается в этом мерзком доме, а потом эту халупу начинает рушить экскаватор. Антошик кричит: «Не надо рушить! Тут же человек! Требую остановиться!» Но экскаватор всё равно рушит и бубочка чувствует, как проваливается куда-то под землю, а сверху на него бам-бам – сыплется кирпичи. А потом он вдруг стоит в комнате с чёрными колоннами и горящим камином, а перед ним мужик с седой бородой, который бубнит: «Говорили же вам, что ценность. Теперь будете отстраивать!» И Антошик вдруг на том месте оказывается, где дом стоял, а перед ним куча кирпичей, а сверху голос кричит: «Отстраивай, падла такая!» И он пугается, начинает стены складывать из кирпичиков, сам своими руками, а как только сложит стенку выше метра, так она и исчезает, а рядом мужик с борой сидит да хохочет.

***

Прошёл месяц, а Антошик всё такой же. Не спит не ест

– чахнет. Что же мне делать? Эти всё буянят и кричат про свой дом. Кажется, нужны радикальные меры.

***

Мой бубочка стал где-то пропадать. Неужели кого-то за-
вёл? Как же быть? Антошик, миленький. Только не бросай
меня. Я не хочу работать по специальности. Уже и не могу
представить себя на кассе в гипермаркете.

***

Я предприняла радикальные меры. Ну набила себе кое ку-
да эту их Пагоню. Ходила в самый лучший тату салон. Ма-
стер прямо так сильно удивился, но отговаривать не стал. Те-
перь если Эти к нам ворвутся и начнут с меня одежду сди-
рать, чтобы изнасиловать, то увидят её... Пагоню эту. Мо-
жет быть поможет. Что же делать мне, а??? Так страшно...
Я плачу...

***

Ура!!! Как здорово!!! Наконец-то Антошик пришёл в се-
бя. Ест, спит и даже со мной немного пошалил, проказник.
Сказал, что нашёл средство избавиться от снов про этот дом.
Ух, и напугал же меня бубочка. Вот только он не говорит,
что это за средство от кошмариков. Сказал, что на выходных
поедим на наш 5-й участок: у нас там будет 5-я дача. И там,

на участке, я и узнаю как он вылечился, бубочка моя.

***

Я тут охренела. Охренела я просто! Он привёз меня на участок и оказалось, что он уже и построил дачу. Дачу? Если бы дачу! Он выстроил эту самую халупу, которую в городе снёс. Говорит, что стены своими руками складывал. Вот он, оказывается, где пропадал, стервец. А главное домик один в один как тот, который снесли... Вот такая у нас теперь задрипанная 5-я дача. Ну Антошик... Псих! Ладно. Кажется, я уже достаточно потренировала эту мову. Завтра улетаем на Бали, а когда вернусь может быть продолжу писать. А может быть и нет. С моим маникюром стучать по клавишам очень неудобно.

Иннушка

21.11.18

Сегодня прямо на уроке у меня зазвонил телефон. Я перезвонила на перемене и оказалось, что это следователь.

– Можете зайти ко мне минуток на пятнадцать? – спросил он.

– А в чём дело? – поинтересовалась я.

– Ну... узнаете, – уклончиво ответил следователь.

Я долго настаивала и наконец он признался, что у него ко мне вопросы по поводу памятника.

– Какого памятника? – не поняла я.

– Того самого, – странно ответил следователь.

– Что? Какого того самого?

– Городовому, – нехотя уточнил следователь.

– Вы что с ума сошли? Какие городовые? Мне шестьдесят сочинений ещё проверять... Мне некогда ходить к вам. Вы вообще понимаете, что люди тут работают. Работают!!! Понимаете, нет?

– Мы тоже работаем, – говорит он мне.

– Ну вот и работайте, – отвечаю.

– И всё-таки мы вас ждём. И я должен напомнить вам, что явка в таких обстоятельствах обязательная. В противном случае вы можете быть подвергнуты принудительному приводу. Имейте ввиду, что это очень серьёзно.

– Да что такого серьёзного могло случиться? Вы же говорите: тут какое-то дело с памятником. Может человек пропал, или кого-то обокрали, или девушку изнасиловали? А вот и нет. Тут просто что-то такое с памятником случилось. И что из-за этого мне к вам с работы срывать? – прокричала я ему в трубку.

– Это серьёзное дело. Приходите завтра в двенадцать. Будем ждать. Последствия неявки я вам объяснил.

Я пришла домой и всё рассказала Лёше, но он воспринял спокойно. Почти...

– Не расстраивайся, милая. Это какой-то их очередной бред. Ну что ж поделать... Ты ведь ни в чём не виновата! –

сказал муж.

– Ну разумеется, – ответила я.

Настроение полностью испорчено. Постараюсь проверить хоть часть сочинений. И надо как-то отпроситься на завтра.

23.11.18

Пишу вечером, после возвращения от следователя. Следователь ещё молодой, долговязый, довольно симпатичный. Этот Игорь Водкин (так его зовут) продержал меня целых четыре часа. Вот тебе и «пятнадцать минуток». Началось с того, что я вошла, поздоровалась. Ну, он предложил мне сесть, конечно.

– Камельчик Инна Владимировна, девяносто первого года рождения? – спрашивает у меня.

– Я самая, – говорю.

– Работаете учительницей литературы в лицее номер два?

– Правильно – работаю.

– Чем ещё занимаетесь? – спрашивает.

– Пишу роман в духе Кафки, в свободное от работы время, – отвечаю. – Это же можно, да? Вы же не возражаете?

– В духе кого? – спрашивает этот Игорь.

– Ладно, не важно, – говорю.

Ну и так слово за слово, и он мне фотографию показывает. Какая-то сволочь прифотошопила меня на фотку с этой статуей городского. Всё бы ничего, но я там в купальнике. Стою полуголая и обнимаю бронзового мужика. Этот Игорь

спрашивает действительно ли я в купальнике сфотографировалась с городовым. Я только молча смотрю на него, пока он не смутился немного, а потом и спрашиваю: «Вы что считаете меня сумасшедшей?», а он отвечает, что мол нет, конечно же, не считает, но всё-таки вынужден просить ответить на вопрос. Я молчала и думала, и тут вспомнила, что фотка в купальнике в отпуске сделана, ну и говорю ему: «Моё изображение взяли с фотографии, где я на море», а он спрашивает на каком это я море. Хм... Как будто это имеет значение. Я сказала, что мы были с мужем в Турции и он меня фоткнул на пляже.

– Это же ещё не запрещено?

А он не ответил и спрашивает: «А где та фотография с моря?», а я секунду подумала и тут меня осенило: «Так она же на моей странице в ВК выложена! Точно! Кто-то взял оттуда».

Ну и так по кругу он меня столько времени мурыжил. Пришла домой. Проверять сочинения сил нет. Лёша, само собой, успокаивал. Но как же тут успокоишься.

24.11.18

Я долго думала кто же это меня подставил то так. Есть одна кандидатура – Витёк! Физрук наш. Он меня уже давно склонял. Слово нет такие витьки не понимают вообще совсем. Он мне даже прямым текстом обещал мечь жуткую.

Ну и вот... Но главное другое. Сегодня эти *.>?&# нагрянули с обыском! Пришли неожиданно к нам домой и стали везде лазить. Они чуть в унитаз с фонарём не полезли. Куда только не заведёт чувство долга. А Лёшка был в шоке и мне шепнул: «Это что за беженцы из кунсткамеры?», а я ему: «Ответственные сотрудники, разве не видишь?». А тут один подошёл и вежливо спрашивает:

– Можно посмотреть компьютер?

Я подумала: «Хорошо хоть вежливо просят».

– Смотрите, что ж делать, раз надо так, – говорю им.

Они все фотографии на компе перерыли. Нашли даже кое-что из интимных. И ту самую из отпуска в купальнике.

– Это вообще нормально, что вы в этом капааетесь? – спрашиваю.

– Нормально, – говорят.

Супер – думаю! А потом они полезли в мой шкаф с бельём. Я встала и закрыла шкаф собою. Можно сказать, грудью встала.

– Вот уж нет, – говорю им, – вы в моём белье копаться не будете.

– Не имеете права препятствовать, – ответил Игорь.

– Так точно, не имеете, – подтвердил ещё один.

В общем, я ещё какое-то время упиралась, но Лёша меня уговорил не мешать, чтобы ещё больших проблем не было. Я чуть не заплакала, но всё-таки успокоилась и говорю этим #?:#), спокойным голосом:

– Так зачем вам в трусах то копать? Что ищите?

– Тот ваш купальник с фотографии, – отвечает этот Игорь.

Тут я так засмеялась, что они даже опешили.

– Так он на мне сейчас, – говорю им. – Я как раз в сауну собиралась сходить.

Эти помолчали, переглянулись, а Игорь говорит:

– Вынуждены просить вас показать купальник.

– Что, простите? – говорю, а у самой внутри такая злость, что кажется сейчас брошусь на них.

– Разденьтесь, пожалуйста. Мы должны сфотографировать вас в том же купальнике, что на фотографии. Это для следственной необходимости...

– Да вы что совсем, – перебивает его Лёша. – Совсем с ума посходили? Этого не будет. Я возражаю категорически!

– Не имеете права препятствовать, – говорит Игорь.

– Да мне наплевать! – кричит Лёша.

А я стою и всё внутри кипит. И тут я резко как-то сама успокоилась и говорю им.

– Хорошо!

Сказала Лёше, чтобы не горячился, а сама быстро сняла свитер, расстегнула ширинку и стащила с себя джинсы. И вот уже стою в купальнике. Свой третий размер им вперёд выставила. Длинные ноги, таллия... все дела. Они, конечно, обалдели немного, а я говорю.

– Что дальше, мальчики?

Смотрю этот Игорь, то краснеет, то бледнеет. Наконец

проямлил кое-как:

– Встаньте в такую позу, как на фотографии с городовым.

– Я встану в любую позу, – говорю ему и прямо в глаза смотрю, – но с вашим городовым я отродясь не фотографировалась. Делать мне больше нечего. Вы хотите сказать, чтобы я встала, как на моей фотографии из Турции.

– Да, пожалуйста, – говорят.

Я встала, а они начали фоткать. Лёша смотрел, стиснув зубы. А мне уже почти понравилось. «Я вас @##* не боюсь» – такие мысли в голове у меня были. Ну, а когда они закончили я говорю:

– Уже всё, мальчики? Может быть мне совсем раздеться? А? – и шлейку лифчика слегка вверх оттянула. Что тут с нами со всеми сделалось. Милиционеры глаза выпучили, а Лёша по лбу себя стукнул. Но тут Игорь этот взял себя в руки и говорит:

– Можете одеваться, гражданка Камельчик. Вернее, сходите куда-нибудь в отдельное помещение и снимите купальник. Мы его должны забрать. Это необходимость... следственная.

Тут я лицо руками закрыла и молча стояла, но потом посмотрела на них опять и улыбаясь так себе спокойненько, спрашиваю:

– А может вы и другое бельишко прихватите? Там вон есть бледно розовое, кружевное? Как вам? Беленькое с красными клубничками? Понравилось?

Этот Игорь закашлялся.

– Кхм... Нам бы только купальник.

– Вон там моё любимое – красное, – говорю.

– Нет, нам бы купальничек только. – отвечают.

– Можете ещё и моё грязное бельё забрать. Оно там в ванной, в корзинке. Заодно и постираете, только с хорошим порошком, пожалуйста, – говорю им, а сама смеюсь истерически.

– Нет. Нам только купальник.

Ну я ушла в ванную, сорвала с себя купальник этот (кстати, мой любимый) накинула халат и вернулась.

– Вот вам, – и швырнула им свои тряпки.

Ну и они быстро убежали... И тут я таки разревелась. Хорошо Лёшка был рядом.

26.11.18

Опять этот Игорь меня вызывал, #&*^## такая. Два часа тоже самое спрашивал, ходил вокруг да около. А потом и говорит:

– Нужно нам, по требованию экспертов, само собой... кхм... как бы это сказать... ну, в общем, снять вас в купальнике рядом со статуей. Того снимка у вас дома оказалось недостаточно для следственных действий. С городским нужно вас вместе... Понимаете, да? Вот вам купальничек. Сходите в уборную и переоденетесь. А потом мы быстренько на улицу сбегаете и снимочек быстренько щёлкнем...

Я его слушала и ушам не верила.

– Так давайте я здесь у вас в кабинете переоденусь. Вы посмотрите, порадуйтесь. И коллег своих можете позвать. Пусть и они порадуются. А потом вы меня в неглиже на улицу выведете, к статуе этой вашей. Подумаешь какие дела. Ноябрь месяц ведь – жара! Самое время по городу в купальнике бегать и сиськами на ветру ледяном махать.

Помолчала, а потом как заору:

– Вы что совсем сумасшедшие тут здесь все, да? В ноябре месяце хотите снимать меня голой у памятника? Вы же видели, что это кто-то с фотографии моей прифотошопил к городовому вашему. Я буду жаловаться, имейте ввиду.

А этот спокойненько так говорит:

– Жаловаться, гражданка, ваше право. Но сфотографироваться придётся. А чтобы не замёрзнуть накинете курточку. Скинете только перед съёмкой. А потом мы вам и чаю горячего сделаем, с малиновым вареньем, чтобы вы согрелись и не заболели. Вы так не волнуйтесь. Служба... кхм... знаете ли.

Час ещё он меня уламывал. Намекал, что если не соглашусь, то задержат меня и в изолятор посадят. Ну что делать... Пришлось согласиться. Переоделась в их сортире. Ну и на улицу. Накинула куртку, но попа мёрзла жутко. Вот же был праздник у прохожих. Такого-то они небось ещё не видели.

А потом ещё повезли меня на экспертизу в дурку. Там я

долго говорила с психиатром. Психиатром! Жесть какая-то. Это называется освидетельствование или типа того. Целый час какой-то старый хмырь и его коллеги меня пытали. А может мне нравится случайно обнажаться на улице? А может быть я всегда чувствовала волнение при виде памятника? А один даже не стесняясь спросил были ли у меня сексуальные контакты в людных местах. Я сказала, что были и не раз. Под каждым кустом в городе. А от взгляда на памятник у меня оргазм может сам собою случиться и без всяких кустов даже. Помолчала, а потом как стала орать на них громко матами. Меня так ещё в жизни не унижали. Ничего, теперь то я точно буду куда-то жаловаться. Знать бы ещё куда.

17.12.18

Ура!!! Сегодня сообщили нам, что дело закрыли. Прощай Игорь! Чтоб тебе пусто было! Я так счастлива, а Лёшка был такой загадочный, и весь светился от удовольствия. Пришлось мне его попытать...

– Ты что-то скрываешь, – говорю ему.

– Нет, что ты, – отвечает, а у самого рожка хитрая, как у нашего кота.

Ну и я его расколола, само собой. Оказывается, он своего друга фотографа попросил прифотошопить фотку этого Игоря к городовому. Игоря они в какой-то социалке нашли, и его фотки с курортов перебрали. Ну и вот одну фотку, где он в красно-зелёных трусах, к городовому прибацали. Аха-

ха-ах. Ну и Лёшка эту картинку отправил ему анонимным письмом с подписью «это может быть у вашего начальства». Я по полу каталась от смеха, когда узнала... Ладно, теперь хоть можно спокойно сочинения проверить. Вечно же нужно что-то проверять у моих орлят.

Но сначала сели мы с мужем за стол, чайку выпить (без всякого варенья, кстати).

– Хорошо я всё порешал? – спросил Лёша.

– Хорошо, – говорю.

– А с Витьком вашим я серьёзно и обстоятельно поговорил, и донёс до него своё понимание вопроса ваших с ним отношений. Я последний раз так хорошо донёс в десятом классе, в секции по боксу, когда в паре с Мишкой стоял.

– А вот почему Витька в школе не было, – говорю. – Так может это и не он маг фоторедактуры.

– Всё равно надо было с ним давно побеседовать о ценности супружеской верности, – сказал мне Лёшка.

Я поцеловала его, а сама подумала: «Что это был за сюр с этим памятником? Может быть я сплю и это нереально?». Что ещё в такой ситуации думать? А Лёшка как мои мысли прочёл и говорит:

– Если бы Кафки не было, то его бы стоило выдумать, – а потом добавил. – А купальник твой так и не вернули.

– #*(\$##*, – сказала я.

Шимонка

3 января 2016 года

Моё имя Шимон Левинский. Это мой дневник о возвращении на родину предков – Беларусь. Я буду писать его на белорусском языке, который мне удалось выучить за девять месяцев. Это, пожалуй, символично. За этот срок во мне родился белорусский еврей. А может быть он никогда и не умирал, ведь память той земли, на которой мои предки жили столетиями, не могла просто так уйти из души моей. Учить было не так тяжело, ведь у меня с детства огромные способности к языкам. Кроме того, я уже сносно знал русский, который довольно-таки похож на белорусский, как, впрочем, и другие славянские, из которых я знаю польский и сербский. Достать учебники белорусского, здесь в Тель-Авиве, было невероятно тяжело. Но у нас хорошая и развитая страна и тут можно достать действительно многое. Я очень люблю Израиль, но что-то в глубине сердца говорит мне, что далёкая и загадочная Беларусь может оказаться моей настоящей родиной.

Сейчас мне семнадцать лет. У меня нет никакой известной мне родни в Беларуси. Я ему туда и даже сам не знаю, чем меня встретит эта холодная страна, о которой никто толком ничего не знает. Я старался много читать в интернете, но на английском про Беларусь почти не пишут. Немного больше мне удалось узнать, когда я выучил белорусский. Но, как я понял, этот язык не очень популярен в Беларуси. Это ка-

жется мне странным. Быть может я сумею понять почему так происходит, когда окажусь на белорусских землях.

Мои предки жили на западе белорусских земель. Тогда это была Российская Империя. Родным их городом был Гродно. Вот и всё, что я знаю из рассказов старших. Ещё отец немного вспоминал о целом еврейском квартале в Гродно, о той невероятной атмосфере, что там царила. Но он знал это по рассказам деда, которые слушал не очень внимательно. Поэтому связь с той землёй теперь у нас почти потеряна, по крайней мере в памяти нашей. Но не в сердце. Семья поддержала меня в решении ехать. Конечно, они были весьма удивлены моим интересом к Беларуси и ещё больше моим решением туда поехать. Но они хорошие и умные люди. Они сказали, что видимо это мой путь, пройдя по которому я смогу больше узнать о себе.

Раньше я работал в фирме отца. Это большая и интересная работа. И она приносила немалый доход. Так что деньги на поездку у меня есть.

Итак, всё готово. Я немного волнуюсь перед встречей с Беларусью. С Гродно – городом предков. В следующий раз я напишу в этот дневник уже после прибытия туда.

26 января 2016 года

Я в Гродно. Сначала о менее важном: о том, как я тут устроился. Я арендую маленькую квартирку, в миниатюрном доме из жёлтого кирпича, кажется довольно старом. Он сто-

ит на улице Реймонта. Ради интереса я заглянул в интернет, чтобы узнать кто такой Ремонт. Оказалось, что это польский писатель, лауреат Нобелевской премии. Мне стыдно, но я даже никогда не слышал о нём, а ведь он получил такой почётный трофей. Я плачу очень маленькие деньги за эту квартиру. Вокруг много деревьев, и когда станет тепло, они наверняка зацветут.

Теперь про погоду. Здесь не так холодно, как я думал. Моей тёплой куртки более чем достаточно для того, чтобы согреть меня. Но я бы хотел увидеть лето в этой стране.

Теперь о более важных вещах. Про сам город. Я видел его на картинках, но всё-таки он превзошёл мои ожидания. Весь он лежит на земляных холмах. На этих холмах стоят замки и большие католические храмы. По меркам Европы всё то, что построено на холмах – довольно старое. Разделяет город довольно большая река. Она называется Неман. Неподалёку от самого центра города есть густой хвойный лес. Таким я представлял себе Шервудский лес, когда читал про Робин Гуда. Только этот лес имеет благоустроенные тропинки. Называется он Пышки. Мне ещё много предстоит увидеть в городе моих предков. Я чувствую в нём какую-то особую... я даже не знаю, как передать это словами. Это действительно особенное место. Но всё-таки мне кажется, что Гродно не зимний город. Тут много парков, холмов и долин. И они нуждаются в тепле, чтобы расцвести и радовать человека.

Оказывается, что белорусский язык не просто не очень

популярен тут. На нём вообще никто не говорит. Мне так и не удалось услышать его на улицах. Он есть только на вывесках (немного), и на местном телевиденье (тоже немного). Но это не всё. Местные даже не могли меня нормально понимать, когда я обращался к ним на белорусском. Сначала я думал, что из-за моего произношения. Но когда я попробовал говорить с ними по-русски они отлично меня понимали, хотя моё русское произношение тоже, очевидно, не идеально. Кроме того, мне показалось, что их раздражает и настораживает моя белорусская речь. Всё это показалось мне удивительным. Теперь я говорю на русском. Не хочу смущать горожан. Мне немного жаль, что они не хотят говорить на языке своих предков, который должны были знать и мои предки евреи. Некоторые слова белорусского языка звучат очень звонко и красиво. Поэтому я хочу продолжать писать этот дневник на белорусском. Это немного грустно и смешно, то что язык этого народа не нужен ему самому, но нужен такому иностранцу как я.

8 февраля 2016 года

Я посетил два гродненских замка, которые стоят на высоких холмах, которые тут называют горами. Они не показались мне похожими на настоящие замки, такие как бывают в сказках и исторических фильмах. Нет! Один из них – это не очень красивый дворец с колонами. Он называется Новый замок и украшен большим советским гербом и шпилем с

красной звездой. Я бы подумал, что его строили в советские времена. Но походив по музею, и посмотрев экспонаты, я понял, что его просто перестроили и раньше он был похож на европейский дворец. От того времени остались ворота с красивыми скульптурами сфинксов. Мне кажется, что точно такие же я видел в Вене. Изначальный вид этого замка мне понравился гораздо больше. Хотя большой советский герб тоже по-своему интересен. Второй называется Старый замок. Это просто какие-то некрасивые здания и остатки старых каменных стен. Кажется, этот замок будут восстанавливать и сделают таким, каким он был раньше. В обоих замках музеи, в которых нет почти ничего действительно интересного. Немного старого оружия рыцарей, какие-то картины и даже что-то советское. Хотя мне понравились некоторые залы Старого замка. В них чувствуется, что это всё-таки какое-то старое строение, благодаря толстым стенам и тяжёлым сводам. Со двора этого замка открывается чудесный вид на реку и лес вдали. А ещё на необыкновенную церковь, наполовину деревянную и наполовину каменную. Её каменная часть выглядит по-настоящему древней. Это церковь – Коложа. Она мне очень понравилась, своей необычностью. Такого я ещё не видел нигде.

Недалеко от замков стоит Хоральная синагога. Большая и пышно украшенная. Особенно красиво она смотрится со стороны парка, который отделяет от синагоги большой об-

рыв. Великолепное здание!

Местная еврейская община приняла меня радостно. Хотя они и были удивлены моим решением переехать из Израиля в Беларусь. Некоторые из них мечтают об Израиле, им сложно понять зачем мне эта страна, эта холодная Беларусь. Местная община очень маленькая. Но это хорошие люди. Они посмеялись над тем, что я пытался разговаривать с белорусами на белорусском языке. Один молодой парень – Натан, объяснил мне, что белорусы почти призирают свой собственный язык, хотя и есть те, кто его очень любят и даже используют в повседневной жизни. Но таких мало.

Напишу немного о более простых вещах. Цены в магазинах здесь примерно, как в Европе. Но Натан объяснил мне, что зарплаты белорусов гораздо меньше европейских. Сами белорусы в основном очень спокойные и обычно вежливые, хотя и не улыбчивые. Я видел здесь и огромное количество темнокожих приезжих. Раньше я думал, что в Беларуси не будет вообще никаких иностранцев. Но оказалось, что тут довольно много студентов из Африки. Ещё я думал, что здесь гораздо больше пьют водку. Но действительно пьяных людей здесь не так и много. Здесь ещё очень чистые улицы. По сравнению с Парижем это просто какая-то стерильная лаборатория. Здесь довольно много полиции, которая называется милиция. Натан сказал, что здесь почти нет серьёзных преступлений.

29 февраля 2016 года

Натан показал мне еврейское наследие города. Оказывается, за рекой была деревянная синагога. Удивительное здание. Никогда не видел подобное, но теперь оно существует лишь на фотографиях. За Хоральной синагогой, был целый еврейский квартал. В городе ещё много синагог. Они гораздо меньше, чем Хоральная и не такие интересные. Оказывается, в городе родилось много известных евреев: поэт Найдус, Пол Бэран, который был одним из создателей интернета, гангстер Меер Лански, художник Бакст. За рекой до сих пор сохраняется старое еврейское кладбище, всё заросшее лесом. Но самые сильные чувства у меня были, когда мы вошли на территорию бывшего гетто. Там нельзя увидеть что-то особенное, кроме памятника в честь евреев на самом входе, но я чувствовал физически часть боли моего народа, когда-то собранную здесь в одну большую реку, по которой души их заставляли плыть безжалостные мучители. Это были странные, страшные и незабываемые минуты. Я не мог долго находиться в этом месте.

3 марта 2016 года

Здесь всё ещё довольно холодно. Очень мрачно. Но я уже привык. Расскажу о своих чувствах. Я уже довольно долго в Беларуси. Самые странные мои надежды оправдались. Этот город – Гродно, мне действительно понравился. Хотя я продолжаю думать, что он станет гораздо красивее, когда сюда

придёт тепло. Здесь очень много еврейского. Это просто надо уметь заметить под слоями других культур. Это действительно настоящая прародина моего народа, и здесь он жил столетиями, убежав от жестоких людей, притеснявших скитающийся Израиль.

У Беларуси советский флаг и мне говорят тут, что Беларусь очень советская. Я никогда не жил в Советском союзе, и мне не с чем сравнить. Но я представлял себе коммунистические страны примерно такими. Я не так плохо отношусь к коммунизму, ведь Карл Маркс был таким же евреем, как и я, но всё-таки не могу понять зачем коммунизм нужен Беларуси теперь, когда у неё есть возможность сделать всё, как в Европе. Или Израиле.

Однако возникает вопрос, что мне делать здесь? Денег моей семье хватит с запасом на жизнь в этой небогатой стране, но я не хочу всегда сидеть на шее у родителей. Найти работу здесь не могут даже местные, поэтому и мне, очевидно, будет непросто это сделать. Кроме того, мне объяснили в общине, что находясь здесь я должен ещё и платить какой-то странный налог, который местные называют «налог на тунеладство». Это небольшая для меня (и большая для местных) сумма. Но я не понимаю почему я вообще должен платить за что-то воздушное. Это какой-то сбор из средневековой Европы, что-то вроде дани крестьян для феодала, которую они выплачивали кроликами. Такое я видел в одном голливудском кино.

В этой стране нет демократии и работы, а жители призрают свой собственный язык. Тут много странных налогов и довольно холодно. И всё-таки я уже немного полюбил её.

7 апреля 2016 года.

Сегодня удивительный и довольно тёплый день. Я гулял на поле за Хоральной синагогой, где когда-то был еврейский квартал, и вдруг заметил девушку художницу, которая сидела на небольшом стульчике и рисовала саму синагогу. У неё были золотистые волосы. Я видел только её профиль. Она была такая сосредоточенная на своей работе, а солнце заливало её с ног до головы своим светом. Никогда ещё я не чувствовал столько нежности к какому-нибудь человеку. Я хотел заговорить с ней. К счастью, у меня было время подумать и собраться с духом, ведь она никуда не уходила, а просто сидела и рисовала. И я подошёл. Не знаю, как я решился. Но я решился. Вопреки моим страхам, девушка приняла меня хорошо, мы легко разговорились, потому что она была очень приветлива. Её зовут Мария. Это удивительно, но она тоже еврейка. Точнее еврейка только по маме. Их семья уже давно живёт в Гродно. Во время Второй мировой её предки жили неподалёку от Гродно и смогли спастись от немцев. Я... как это написать... Ах да! Я очарован ею. Вот подходящие слова.

9 апреля 2016 года

Моя новая подруга знает Гродно и его историю очень хо-

рошо. Это прекрасно. Сегодня вместе с Машей мы заходили в Фарный костёл. Это огромный католический храм. Пусть он и не часть нашей культуры, но он действительно прекрасен. Особенно меня впечатлил главный алтарь этого храма. Он просто грандиозен! Не помню, чтобы я видел ещё где-то в Европе что-то подобное. Погода была не очень хорошая, но мы гуляли с Машей и не чувствовали ничего другого, кроме радости. Это что-то... что я не могу описать словами.

15 апреля 2016 года

Я влюблён. Как это сказать... Очень сильно. Как говорят на русском: «по уши». Я так мало знаю Машу... Точнее я знаю её очень недолго. Но чувствую, что знаю её всё жизнь. О именно так и говорят влюблённые дураки, в романтических фильмах – и я мог бы быть одним из них. Хотя я и не герой фильма. Но главное, что произошло сегодня. Мы стояли на высоком берегу у Немана и держались за руки, а ветер трепал наши волосы. И я поцеловал её... Нет, это не был наш первый поцелуй. Первый раз мы поцеловались два дня назад, когда я провожал её. Но именно этот поцелуй на обрыве я хотел бы запомнить, как наш первый. Казалось, что мы с ней одни в этом городе. Ветер шумел в листве над нашими головами. И я знал, что решение приехать сюда было лучшим в моей жизни.

20 апреля 2016 года

Маша гостит у меня. И я предложил ей поиграть в шах-

маты, которые привёз с собою из Израиля. Маша, конечно, умеет играть в шахматы, ведь она еврейка. Так я сказал ей смеясь, и она тоже засмеялась. Обожаю её смех. Он нежный и звонкий одновременно. Её золотые волосы и невероятно-го оттенка голубые глаза... Это как сон, в котором хочется пропасть. Я пишу столько глупостей. Я влюблённый болван. Любовь, как еврейская мама – хочет тебя контролировать и у неё это получается.

4 мая 2016 года

Мы катались с Машей на троллейбусах. Это ужасно дикий вид общественного транспорта, в Гродно. С конечной на конечную. И когда мы возвращались на нём последний раз, было уже поздно и в салоне не было никого кроме нас и какой-то старушки с ребёнком. И мы целовались с Машей, пока мимо за окном проплывал этот спокойный, вечерний город, узкие улочки его центра. Эти дни – дождливые. И мы часто с Машей просто слушаем, как капли падают на подоконник моей квартирке на Реймонта. Кап-кап-кап. Кажется, так передаётся звук дождя на белорусском.

5 мая 2016 года

Сегодня я купил гитару. Хороших и дорогих гитар мне тут обнаружить не удалось, но и эта звучит не так плохо. Теперь я могу играть Маше. Маше очень нравится, как я играю ей на гитаре, и только теперь я понял для чего отец заставлял

меня учиться играть. Эти струны звенят, как моя душа. Это любовь! Любовь, как гитарные струны – радует и помогает петь, но иногда рвётся. Ну вот! Я опять несу какую-то чушь.

6 августа 2016 года

Я довольно долго не писал в этот дневник. Когда человек так сильно влюблён, ему хочется не описывать свои дни, а просто переживать их и надеяться, что они не закончатся. Я был прав. Гродно действительно стал прекрасен с наступлением тёплых дней. Расцвели парки, в долинах течёт вода. А местные холмы покрыты зелёной травой. И среди этого всего мы гуляем с Машей. И сегодня она сказала мне, что я стану отцом. Нет таких слов, которые помогли бы мне выразить то, что я почувствовал. Мы ещё так молоды, но я очень рад и совсем не жалею.

Мы надеемся пожениться здесь. Но сначала я хочу отвезти Машу в Израиль. Надеюсь папа и мама обрадуются знакомству с ней. Я этого очень хочу.

19 августа 2016 года

Маша видела странный и страшный сон. Как будто я погиб в теракте. Это она видела очень отчётливо. Взорвался автобус, в котором ехал я. Она проснулась и долго плакала, а я не мог её успокоить. «Ну что ты, это же просто сон», – говорил я ей. Честно говоря, я совсем не верю в такие сны. И я совсем не религиозен. Внутренне я только посмеялся над

этой ситуацией, хотя Маша, мне показалось, очень серьёзно это всё восприняла. Это простительно, ведь она художница и очень впечатлительная. Кстати, она довольно сильно изменилась после нашей встречи. Раньше она жила одна, если не считать четырёх кошек, и была феминисткой. Тяжело совсем не быть феминисткой если ты живёшь одна и у тебя четыре кошки. Так мне сказала одна весёлая подруга Маши. Когда узнаёшь белорусов поближе они уже не кажутся такими сильно угрюмыми.

26 сентября 2016 года

Вот и пришёл час прощаться, Гродно! Но прощаться не навсегда. Скоро мы с Машей вернёмся к тебе, прекрасный зелёный город, город холмов и красивых синагог, в котором я встретил свою жену... Будущую жену. Мы вернёмся и поженимся в этом городе. Обещаю. Если, конечно, я не взорвусь в автобусе, х-аха-ах. Иногда я вспоминаю этот Машин сон и смеюсь над ним. Но она этого не любит. Я также продолжу писать этот дневник на белорусском языке. Обещаю! Моё молчание будет означать только одно – я действительно взорвался, ха-ха-ах.

Колюшка

456 макробара 3456 фара

Его дневник даты в котором он проставляет по летоисчис-

лению планеты Ворчун.

Сегодня он сбежал из этого гнезда. Гнезда, где живут петухи в белых халатах. Они думали удержать его, но ничего у них не получилось. Потому что никто не может сдержать Лапкалоида 25 с планеты Ворчун. Они хотели вернуть ему его старое имя. Они называли его Колюшка. Бандиты. Наверняка они крадут у детей конфеты, хотя и знают, что детям нужно есть сладкое, чтобы быть маленькими. Они хорошо караулили его, но он всё равно сбежал. Он дал по морде одной врачихе. Это ему очень понравилось.

Когда-то Лапкалоид 25 был намного меньше, чем теперь. Его звали Николай Л. И тогда он состоял в партии, которую он сам и создал. «Борцы за три полоски, красную и две алых, с улицы Ленинского Камсомола» так она называлась. И в этой партии было ещё два человека. Мы много говорили о том, как плохо в этой стране и что нужно сделать, чтобы было хорошо. Но не было с нами того, кто научил бы нас здоровому питанию и правильной егенике. Он не сразу понял, кто этому может научить. А потом он осознал. Научить этому может Ленин. Тогда он и стал не Колей, а Лапкалоидом 25. Он увеличился в размерах в 897 тысяч раз, и догадался, что на самом деле родом с планеты Ворчун. Оттуда же родом великий вождь Ленин.

Лапкалоид 25 так рад! Он сбежал от петухов в белых халатах и будет теперь искать своего друга. Он знает, где его искать. Его друг стоит на центральной площади. Какое сча-

стье, что никто не был настолько ненормальным, чтобы его убрать, чтобы убрать с площадей великого Ленина. Ура, ура, ура, товарищи.

457 макробара 3456 фара

Его друг его ждёт, ждёт, ждёт. Лапкалоид 25 знает, что его ищут. Но он оделся в маскировочную одежду. У него необычный халат, а на голове парик. Он притворяется женщиной. Ему нравится притворяться женщиной, ведь каждая женщина является Богиней. Теперь Лапкалоид неузнаваем. И он пришёл к своему другу на площадь. Здесь, в Солигорске, его друг Ленин не очень большой. Рядом высокий дом, с передатчиком лучей на крыше. Но у Лапкалоида 25 есть шапочка из фольги, под париком. И вот он рядом со своим другом и тот говорит ему:

«Здравствуйте, батенька! Вот вы и пришли! Я – Ленин! Великий вождь с планеты Ворчун. Когда мои предки прилетели с этой планеты они стали евреями. Евреями из Минска. Это знают даже минские историки, хотя все минские историки классово несознательные. Они, эти мои евреи, батенька, много писали на бланках и поэтому их называли Бланками. Дальнейшие указание вы получите у следующей станции связи. Отправляйтесь, дорогой мой, в Речицу. Там установлен ещё один передатчик. Там вы выйдете на новый контакт. И помните, что это архиважно!»

Вот так говорил великий вождь. Лапкалоид 25 убежал с

площади, так как к нему шли откуда-то два милицейских. Они – сторожа порядка, поэтому и метут нарушителей. И они хотели его схватить несмотря на маскировку. Нужно будет маскироваться ещё лучше. Но главное, что Лапколоид хорошо бегают.

460 макробара 3456 фара

Лапколоид 25 уже в Речице. Да-да-да. Само название города – символично. Реч и цэ. То есть Речь Посполитая и Центризбирком. В них было много депутатов. Когда-то и Ленин был депутатом на планете Ворчун. В Речице памятник Ленину стоит рядом с ёлками. Лапколоиду 25 легко было подкрасться незамеченным к своему другу и великому вождю. И он подкрался. И вот, что сказал ему Ленин:

«Вот и вы, батенька! Именем революции, я сейчас вам расскажу, что мы создали великую империю. Понимаете, дорогой мой, я – Ленин и я создал империю! Каждому человеку в нашей империи нашлось место, но не у всех оно было над поверхностью земли. Лучше всего себя проявил НЭП и многое другое. Хотя и были отдельные перегибы на местах, у товарища Сталина. Но миллионы перегибов – это ещё и не очень много... Мдя, батенька, нам нужно было окончательно сломить белое движение. И нам таки архиважно было убрать царя. Царь то был несознательный, а товарищ Сталин был сознательный. Сознательно перегибал в отдельных случаях на местах, но главное помните, что только массовые расстре-

лы могли спасти Родину. В нашем новом мире равенства, братства и справедливости не было места царям и подобным личностям, голубчик. Мы сами честно решали кто равный и братский, а кто нет. Справедливо, батенька, как же иначе. Дальнейшие указание потрудись получить в г. Витебске. Послушайте вождя мирового пролетариата, дорогой мой. Осените себя красным знаменем, товарищ, и идите шустрее, ибо вон уже вами начали интересоваться.»

Лапкалоид был рад вождю и снова убежал от милицейских. Они очень хитры и опасны, и всё время разгадывают его маскировку. Но на этот раз Лапкалоид замаскировался очень хорошо. Он стал невидимкой. Он снял всю свою одежду, а тело Лапкалоида 25 с планеты Ворчун могут видеть только другие жители планеты Ворчун. Поэтому земляне не могут видеть его тело. Но, наверное, милицейские не земляне... И они видели... Но он опять сбежал. Быстрые-быстрые-быстрые ноги у всех на планете Ворчун. Теперь ему путь держать в Витебск.

466 макробара 3456 фара

Витебск! Город труда, мира и праздника. Но и мракобесов тут много, потому что они отстраивают храмы, а это строжайше запрещено и неправильно и в духе контрреволюции, прямо скажет Лапкалоид 25. Он очень замёрз пока добирался в этот город. Лапкалоида подвёз один человек, скорее всего тоже с планеты Ворчун. Но в конце поездки человек ис-

портился. Он хотел выгнать Лапкалоида за его пламенные революционные песни. «Взвьётесь и развеетесь тысячи флагов над полями картошки» – так пел Лапкалоид 25. Но человек его не выгнал. Лапкалоид имел при себе большой нож. И человек не выгнал. И вот он скорее, скорее, скорее, побежал к товарищу Ленину. И так говорил ему друг и вождь:

«Всё бы пропало, батенька, говорю я вам! Всё бы оно пропало. Но таки нашёлся ответственный товарищ, который смог спасти хотя бы Белоруссию от власти капитала. Власть грабителей и помещиков не может решать судьбу всего сплочённого и, пламенно верного идеалам революции, народа этой страны. Оставлены на площадях памятники лидеру строителей коммунизма, то есть мне, товарищу Ленину. Празднуется начало великой октябрьской социалистической революции, под руководством товарища Троцкого и других ответственных товарищей, которая завершилась решительным и определённым успехом пролетариата на всех фронтах и положила-таки конец господству капитализма на землях старой, патриархальной Руси. Происходит борьба с тунеядством и контрреволюционерами, которые знают, что обречены кануть в прошлое в процессе строительства нового мира, мира праздника и чистого, самого бескорыстного и добровольного труда. Налаживается тесное сотрудничество с китайскими товарищами, что выглядит весьма логичным в свете шевеления капиталистической гидры за океаном и появления новых беляков внутри процветающей ро-

дины. Октябрь не забыт! Нет, товарищ, не забыт! Но чтобы окончательно покончить с капиталом сделано ещё далеко не всё, батенька. И я скажу вам, дорогой мой, что же ещё нужно для окончательной победы коммунистической идеи в вашем крае. Снимаю перед вами кепку, голубчик. Вы поистине стойкий сукин сын, молодой человек. Отправляйтесь же в город Гродно для получения окончательных указаний. И помните, что это архиважно!»

Великий Вождь! Я Лапкалоид 25 не подведу тебя. Еду в Гродно!

480 макробара 3456 фара

Он долго-долго-долго добирался в Гродно из Витебска. По пути он брал еду у добрых людей, а у недобрых тоже брал и показывал им ножик. «Он Лапкалоид с планеты Ворчун» – говорил он им – «Вы состоите из белка, который довольно вкусный. Поэтому отдайте ему другой белок, иначе он вас покусает». В Гродно его схватили и доставили в местное гнездо. Лапкалоид 25 не выполнил волю великого вождя! Он не сдаётся и обязательно вырвется от петухов в белых халатах.

Когда Лапкалоид 25 пришёл к вождю в Гродно он долго смотрел на вождя, но тот хранил молчание. Никогда такого не случалось с ним. Он всегда слышал своего великого вождя с планеты Ворчун. Он оглянулся вокруг и стал искать передатчики, которые глушат сигнал вождя, но их не было.

Лапкалоид 25 был там ещё час, но его вождь всё также безмолвствовал. Что это, что это, что?

И он ушёл.

И он ночевал в лесу, а потом увидел в одной деревне, которая у них находится как бы в городе, деревянную лестницу. Увидев деревянную лестницу, Лапкалоид 25 забрал её с собой и принёс к Ленину на площадь. Кстати, он был в костюме невидимки. И он смог залезть по этой лестнице к Ленину. И он ждал пока тот заговорит, а потом Лапкалоид 25 стал кричать: «Почему же ты молчишь, о великий-великий-великий вождь с планеты Ворчун, если ты можешь взять и ответить Лапкалоиду? Ты обещал рассказать, как окончательно победить капитал, помнишь?» И он кричал и дёргал вождя за ногу, но она не шевелилось и Лапкалоид не мог её сдвинуть. А потом со всех сторон быстро прибежали милицейские и окружили постамент вождя. Это естественно, ведь постамент означает: милицейский на посту. И они снимали Лапкалоида сверху. Но долго не могли его оторвать. Пока не вызвали машину со специальным краником, на котором к Лапкалоиду 25 с планеты Ворчун подняли милицейских. И они очень сильно обнимали его, прижимались к его невидимому телу. Видимо, они его полюбили. Он тоже их немного полюбил хотя и плюнул им всем прямо в глаза. И они его всё-таки спустили вниз и сразу понесли в машину, всю сделанную из брони. «Броневичок! Броневичок!» – кричал Лапкалоид 25 – «Дайте мне выступить на нём!» И потом он ока-

зался в гнезде. Но этот дневник ему оставили. Главный петух разрешил.

Один брат здесь... Он тоже с планеты Ворчун. Его тоже схватили петухи в белых халатах. И он сказал, что великий вождь Ленин не стал разговаривать с Лапкалоидом из-за того, что в этом городе Гродно, когда-то жило много королей и вождь не имеет здесь силы. Зачем же он тогда сам послал его сюда? Может быть великий вождь Ленин хотел сразиться с королями, но не смог победить их? Лапкалоид плачет-плачет-плачет. Но его утешает то, что на планете Ворчун вождь непобедим. Однажды я увижусь с ним там.

А может быть планета Ворчун просто введёт войска.

Алёшка

Зовут меня Алексей Михайлович. Мне девяносто лет. Как же ещё могут начинаться дневники и не знаю даже. Мой дневник, который я теперь буду вести, чтобы говорить хоть с кем-то. В деревне нашей я житель последний. Остался один старый дом, на опушке леса. И в доме этом один старый дед – я. А как померла моя Лукошка... Ну это кошка моя. Кошка Лукошка. Ну так вот, как померла она, так и совсем мне стало грустно и говорить мне вообще вроде как и не с кем...

После войны работал я даже инженером. Образование в городе-герое Минске получал. Был, вроде как, на хорошем счету... Да потом к жене в деревню перебрался... А потом и

в свою родную вернулся. Тогда тут люди жили. Семей тридцать – не меньше.

Да были времена... А теперь вот поговорить не с кем. Не с курицей же тупой балакать. Курица она тьфу и растереть, глупая птица. Ну и вот... О чём это я?

Так вот... Писать мне ещё глаза дают. Хотя и странно это для меня, но вижу я вполне неплохо даже. Когда выхожу на опушку смотрю на ёлки и даже иголки различить могу. Помнится, так же вот хорошо видел я и председателя нашего колхоза, в пятьдесят втором году, когда его на какой-то колымаге увезли в город чекисты. Говорили, что он был фашистский прихвостень. А только был он на самом деле партизан и фашистов бил не хуже многих прочих. Но тогда было всё едино. Ты гриб аль не ты, а полезай в кастрюльку, коли так решит повар.

Жена то моя уехала давно. Не хотела в глуши этой жить. Что ж делать. Отпустил я её тогда. Теперь вот иногда и жалею. Годки то шли и шли, точнее сказать летели...

Было время я тут дружил с бабкой Франкой. Ну как дружил: скорее уж не переносили мы друг друга, но беседовали регулярно, ну потому что с кем же ещё беседовать тут в глуши этой... Одиночество заставляет делать странные вещи, даже если тебе одному хорошо. Вот и мы с Франкой: друг друга не любим, а встречаемся и часами говорим. А иногда и орём часами. Спорили с ней крепко. Но потом понял одну вещь. Рубить дрова зачастую полезнее для здоровья, чем

рубить чужие иллюзии. Во как! На меня находит часом, и я вот такие рондели выдаю. Ну дык вот... Перестал я уже с Франкой спорить. Пусть баба будет довольная, думал. А она всё ждала и удивлялась, а однажды и говорит: «Что ты, Михалыч, спорить то со мной перестал? Устал что ли? Может тебе травок каких для сна дать?» Забрали её в город внуки, давненько ужо. Я вот скучаю часом.

—

Сегодня мне один молодец должен был дров подвести. В соседнюю деревню ездит он. Там то народу поболее будет. Ну и ко мне он повадился. И дровишек, и продуктов подвозит малёха. Спасибо ему, конечно. Так и живу.

—

Ходил сегодня в лесок, в район болотца нашего. Болотце это издревле называли Гаштолька. Говорят, что там князь литовский Гаштольд замок свой каменный утопил. Из замка того как бы огоньки бывает поднимаются. Ну по ночам, конечно, делается такое. Это вроде как воины князя с факелами пляшут. Но байка это и ничего более. Болотные огни, как один умный человек как-то объяснял нам в году этак... эх не помню в каком году, да и что объяснял не помню толком, но только помню, что не воины это никакие. Нет там такого. А всё-таки я туда по ночам ходить боюсь. Хотя и то скажу, что и ходить туда по ночам незачем. Разве что цветок папоротника поискать. Ведь кто найдёт его тот и власть иметь бу-

дет. Такая есть легенда. Только вот зачем мне власть. Мне то она ни к чему уже. Ах вот! Ещё вспомнил, что про болото то болтали. Говорили люди, что немцы там утопи. Вместе с танком своим в придачу. Глупости это. Разве туда бы танк то прошёл. Глупости.

Лучше земляники местной я и не видывал никогда. Набирал её сегодня лукошко целое. Почти как клубника городская и слаще её намного. Варю из ягодок лесных варенье. Зимой то оно ещё как пригодится.

В ночь сегодня была гроза страшная. Спать не мог. Хотел было написать что-нибудь в дневник этот да при свечах то писать темновато мне. Отродясь в деревне нашей электричества не было. Была бы лампа с лампочкой, так и света бы хватило. А так... не писал я ничего, только на грозу ту смотрел. Вспышки её сосны озаряли белым светом... и тут я и увидал... Людей увидал. Стояли на опушке в ряд. Глупо это, но подумал я о воинах князя того болотного – Гаштольда. Глаза протёр. Смотрю, а уже и нет ничего. Померещилось, ясен пень. Теперь, когда с утра пишу это, то смешно мне, а ночью то было страшно.

Ходил на речку нашу. Порыбачил самую малость. Поймал тощего карася. Хоть и дрянь мелкая, а всё лучше, чем ничего. Да и водичка журчала так... Эх, думаю, хорошо. Воздух,

вода, да лесок наш. Что ещё нужно.

Встал тут с утра, умылся ну и пошёл в лесок в сторону Лысого холма. Про холм тот болтали старики в деревне, когда я ещё мальчонкой был, что стоял на нём дом татарки одной. И когда мимо ехал путник, выскакивала она, да и била его промеж глаз булавой булатной. Тому, ясное дело, карачун. А татарка в дом его тащила и там разделявала, как кабана каково-нибудь, ну а потом жарила да ела. Чего только не болтали люди. А может и правда это. Кто ж знает. Но мне то не на холм этот надо было. Свернул я направо у холма, да и к старому кресту пошёл. Стоит там в лесу старый крест. Железный! Говорят, люди, что повстанцам против царя поставлен он. Там я и молюсь иногда. До костёла ближайшего мне топать далековато. Тяжко уже. Чай не мальчик. А к кресту этому дойти могу. А потом ещё и к камню большому поворачиваю. Говорила мне бабка одна, которой лет сто было, когда я ещё мальчонкой босоногим был, так вот говорила мне она, что издревле к тому камню ходили люди, вроде как молиться. Попы да ксендзы не одобряли такое. Оно и понятно! Но только люди всё равно ходили. Вот и я хожу. Камень тот весь мхом порос. А в землю вошёл глубоко. Так вот и я к этой земле родной, можно сказать, прирос.

Вот так день сегодня. Ждала меня, можно сказать, неожиданность внезапная. Приехала ко мне правнучка. Алеськой зовут. Живёт то она в Америке, куда ещё дочка моя давным-давно уехала. Рад был я несказанно, чего уж там. Чайку ей заварил, с травками лесными, сидим с ней, балакаем. Ну и тут говорит она мне:

– Деда, поехали со мной в Америку, а? Чего тебе тут сидеть одному, без условий человеческих. А у нас в Лос-Анджелесе дом...

– Дом? – у неё спрашиваю.

– Ага, дом, – говорит. – Давай к нам. У нас там океан и пальмы, врачи для тебя хорошие, по пляжу гулять будешь. На Голливуд помотришь.

– Голливуд у нас свой есть, – говорю ей. – Кабак такой в соседнем селе был.

Ну она смеяться начала. Я тоже смеюсь, а потом и говорю:

– Ну так ты, Алеська, хочешь, чтоб я свой дом бросил, и лесок свой, и болотце, и в девяносто лет в ваш Лос-Анджелес поехал? Чтоб вдали от родины моей ещё пару годиков покрутился?

– Да, деда, хочу, – говорит мне.

Ну я долго думать не стал и говорю ей:

– Спасибо внученька, что не забыла меня. И отвечу я тебе на доброе предложение твоё так: земля эта мне родная, уж столько лет здесь живу! Все осинки с елями наизусть выучил. И болотце местное как свои пять пальцев знаю. А ты мне

говоришь: уезжай, дед, со мной!

Вижу она смотрит внимательно на меня. Слушает. Чаёк попивает. Ну и говорю:

– И знаешь, что Алеська. Поеду я с тобой! Поеду, конечно. Чего я тут то не видел? Болота да лес этот? Пфф... Насмотрелся уже. Хоть на старости лет человеком пожить. На океан с пальмами глянуть. Здесь то и без меня обойдутся. И болота обойдутся, и лесок, и Председатель. Поеду, милая, с превеликим удовольствием.

Обнялись мы с ней, а вечером я её спать уложил, а сам вот пишу сюда последние строчки. Оставлю здесь дневник этот. Пусть его кабаны читают, если в хату мою старую забредут.

Ромашка

Здравствуй, Малыш. Я хочу рассказать тебе кое-что интересное, но сначала давай с тобою познакомимся. Меня зовут Ромашка. Да-да, Ромашка. Так меня называли в детстве и, хотя я уже взрослая тётя, меня по-прежнему так зовут. Тебе, может быть, интересно почему? Просто у меня длинные и курчавые волосы, светлые, как лепестки у ромашки. И зовут меня на самом деле Ромала. Моё имя похоже на слово ромашка, правда? Видимо, поэтому меня все называли ромашкой с самого детства. Ромала – это необычное и редкое имя. Ты, наверное, никогда не слышал такое. Ромала. По правде сказать, я не знаю почему родители решили назвать ме-

ня так. Они у меня были выдумщики. А твои родители тоже выдумщики? Если да, то тебе наверняка не скучно с ними.

Расскажу ещё немного о себе. Я потеряла свой дом, то есть мне теперь негде жить. Это очень грустно, Малыш, но так уж получилось. Ты когда-нибудь видел бездомного котёнка или щенка? Ты хотел им помочь: накормить их, отнести домой, или хотя бы просто погладить? Вот и я теперь, как бездомный котёнок. Только меня некому пожалеть и погладить. Но я не плачу из-за этого, Малыш, а наоборот смеюсь. У людей бывают неприятности, ты, наверняка, уже знаешь об этом. Но встречать их нужно с улыбкой. Тогда и справиться с ними легче. Человек должен быть сильным и уметь бороться со всеми неприятностями, и даже самыми неприятными неприятностями. И ты обязательно научишься так делать, Малыш. Научишься быть сильным и смелым и ничего не бояться. Научишься не плакать, или плакать потихонечку – так, чтобы этого никто не видел.

Так вот, Малыш, я уже говорила, что потеряла свой дом. Поэтому мне пришлось найти себе новый. В нашем городе есть один старый заброшенный. Он очень-очень старый. Когда-то там, как говорят, жила какая-то то ли княжна, то ли графиня. А ещё у этого дома есть очень красивый, кованный козырёк и под ним можно спрятаться от дождя.

А ты любишь дождь, Малыш? Многие не любят дождик, а мне всегда нравилось гулять под ним и даже топтать по лужам. Только вот потом можно заболеть. Так что ты, навер-

ное, лучше так не делай.

У этого старого дома есть красивые деревянные рамы, хотя стёкла в них уже побились. А окошки на первом этаже заколочены. Но я всё равно нашла маленькую лазейку и пробралась внутрь.

Ты бывал когда-нибудь в заброшенном доме, Малыш? Это очень таинственное место. Тут много тёмных комнат. А ты уже не боишься темноты? Если боишься, то знай, что темнота совсем не страшная. Честно-честно, на самом деле. Если окажешься в темноте и станешь бояться, то просто закрой глаза и представь, что ты на солнечном острове, а вокруг тебя голубой океан и высокие зелёные пальмы. Это должно помочь тебе не бояться. Ну, а если всё-таки не поможет, то просто включи свет. Всё просто, Малыш. Щёлк! И в твоей комнате станет светло. Знаешь, даже некоторые взрослые боятся темноты, но они никогда не признаются тебе в этом. Обычно взрослые не хотят показывать детям свои страхи. И я тоже не хочу.

Вторник

Я пишу для тебя этот маленький дневник. Сегодня, к примеру, вторник, поэтому я и написала: вторник. Когда ты каждый день пишешь что-то в тетрадь это и называется дневник. Может быть ты уже ходишь в школу? Или ещё нет? В школе тоже есть дневники. И у тебя будет дневник, Малыш, когда

ты пойдёшь учиться в первый класс.

Я уже говорила тебе, что у меня нет дома. Я бездомная Ромашка. И мне самой почему-то смешно от этого. У тётки Ромашки нет ни только дома, но и денег. Ты же знаешь, что у твоих родителей есть такие монетки и бумажки – деньги. Ты не знаешь зачем взрослые играют с ними? Или ты уже достаточно большой, чтобы понимать для чего нужны деньги? Честно сказать, я даже сама не очень понимаю для чего они нужны и почему у одних их много, а у других мало. Мне кажется, так не честно. А ты как думаешь, Малыш? Хорошо если бы у всех людей денег было поровну.

Сейчас я тебе расскажу, что я нашла в этом старом таинственном доме. Тебе же интересно, правда? Я шла длинными тёмными коридорами, а вокруг было много комнат, закрытых старыми дверями. На потолке висела паутина, такая огромная, что я бы, наверное, могла ей накрыться, как одеялом. Я долго шла. Шла и шла, шла и шла. Это был очень длинный и таинственный коридор. И наконец, я увидела дверь. Она была самая большая и красивая. Чтобы открыть эту дверь нужно было потянуть за большое металлическое кольцо... Ты помнишь я говорила тебе, что этот дом принадлежал какой-то графине или княжне? Я подумала, что за дверью была её комната. У графинь наверняка были очень красивые комнаты. Я долго тянула за металлическое кольцо и наконец дверь со скрипом открылась. Кри-и-и-и-и – так

она пропищала, открываясь. Знаешь, мне было страшно туда входить. Видишь, я тебе честно признаюсь в этом. Чтобы честно признаться в том, что боишься чего-нибудь, людям очень нужно быть смелыми. Мне было страшно, но я всё-таки вошла туда. И тогда оказалось, что боятся вовсе и нечего. Когда ты подрастёшь, то заметишь, что мы часто боимся того, что на самом деле не страшно и наоборот: не боимся чего-нибудь от чего лучше держаться подальше.

Так вот, Малыш, я вошла в эту комнату.

«Вдруг тут будет призрак графини...» – думала я.

Ух... Как мне было страшно, пока я не поняла, что в комнате ничего нет, кроме маленького столика. Маленький столик – это совсем не страшно, правда, Малыш? И знаешь, что стояло на этом столике? Ну отгадай! Ха-ха, ты не отгадаешь. Там стоял маленький хрустальный шар на подставке. И он светился всеми цветами радуги, хотя в самой комнате было темно. Я быстро схватила его и выбежала из комнаты, пробежала назад по коридору в зал, в котором я жила, и посмотрела в шарик. Ох! Этот шарик сверкал, как волшебный бриллиант, представляешь, Малыш. И я знала, что этот шар – это моё счастье, ведь когда я смотрела в него я видела все самые счастливые моменты своей жизни.

Среда

Сегодня среда, Малыш и снова пишу тебе. В старом до-

ме очень холодно, хотя и теплее, чем на улице. Кажется, я не сказала, что у нас в городе стоит очень-очень холодная зима. Мне очень хочется спать, но я пишу для тебя в этот дневник.

Тебе, наверное, интересно, что я делала со своим хрустальным шаром, в котором видела все счастливые моменты своей жизни? Я смотрела в него снова и снова, смотрела всё время и не могла оторваться.

И тут ко мне пришёл он... Усахватень. Ты никогда не слышал о нём? И я тоже никогда о таком не слышала. Но вот он пришёл и стоял прямо посреди комнаты. Хочешь расскажу, как выглядит Усахватень? Наберись смелости, Малыш, ведь Усахватень довольно страшное существо. У него лысая голова, а волосы смешные и зачёсаны прямо на лысину. У него огромные усы. И он может шевелить ими и даже хватать усами что-то не очень большое. Например, он может взять усами кружку и пить из неё, поднеся ко рту. Рот у него, кстати, большой, и зубы крепкие и острые. Сам он весь покрыт красной-зелёной шерстью, но на шее как будто чёрный галстук. Он чуть-чуть напоминает бочку с большими ручищами и ножищами. Он был намного выше меня ростом, хотя я довольно высокая. Вот так выглядел Усахватень. Представляешь, Малыш, как я испугалась, когда его увидела?

– Ты кто такой? Чего тебе надо? – кричу ему, а он и отвечает:

– Здравствуй, Ромашка. Я – Усахватень, – а сам из боль-

шой чёрной кружки что-то пьёт, и усами её держит. – Отдай мне свой шар со счастьем. А взамен я тебе кое-что получше дам.

– Что же может быть лучше счастья? – спрашиваю я его, а сама крепко так вцепилась в свой шар и к груди его прижала.

– Полный покой, – говорит он мне. – Станешь ты, Ромашка, спокойной как никогда. А дальше и другое счастье найдёшь, которого тут и представить не можешь.

– Не верю я тебе, – ответила я, а сама думаю:

«А может и прав этот Усахватень! Устала я что-то от беспокойств и тревог, а он меня успокоит...»

И тут Усахватень этот и достаёт какую-то бутылку. Прямо из шерсти своей выгреб её.

– Выпей отсюда, – сказал мне Усахватень, – и будет тебе хорошо, как никогда ещё не было, только отдай мне шар свой. Верь мне! Мы ж с тобой одной крови!

И тут у меня, Малыш, рука как будто сама собой протянулась и отдала я ему свой шар, со всеми своими счастливыми воспоминаниями. А взамен Усахватень отдал мне свою бутылку. Бутылка эта, Малыш, зелёного цвета и вся в паутине была. А Усахватень тот схватил мой шар и в воздухе растаял.

Как только он исчез я сразу же и поняла, что не надо было отдавать ему свой шар с самыми счастливыми моментами в жизни. Обманул меня подлый Усахватень. Горько плака-

ла я, но не знала, как можно всё исправить. Наверное, уже никак нельзя.

Послушай меня, Малыш. Послушай, внимательно. Вот тебе мой совет: никогда не отдавай своего счастья и не теряй надежды! Ты ещё очень маленький и сможешь много сделать, когда подрастёшь. Не меняй счастливый шар на зелёную бутылку. Не верь Усахватню.

Иди вперёд смело и не бойся приключений, а потом, когда подрастёшь, вспомни об этом дневнике, который написала для тебя тётя Ромашка. Ты сможешь по-новому прочитать его. Ну а пока расти большой и сильный и шире открывая глаза на мир. Запомнил, Малыш, мой совет? Смотри не забудь его. Люблю тебя. Твоя Ромашка.

Аба Петля (аутро)

– Ты понял смысл? – спросил я своего друга простого писателя.

– Я не понял вообще ни хрена, – сказал мой друг. – Зачем ты рассказ мне эти истории?

– Чтобы ты понял, что все эти персонажи лишь герои игры
Аба Петля, – ответил я.

– Марк, ты не мог бы говорит попонятнее? – умоляющим тоном спросил мой друг.

– Ты заметил что-то скрытое в этих историях, друг мой, – спросил я.

– Нет, – честно признался простой писатель.

– Если сложить заголовки всех рассказов получится осмысленная фраза, но если бы я рассказывал тебе версию на идише, то тогда не получилось бы, если честно. Но на твоём языке – получается фраза. И заголовок этого аутро тоже можно добавить.

– Хватит говорить загадками, Марк. Ну пожалуйста перестань, – зло сказал мой друг простой писатель.

– Ну хорошо! Получится фраза: «манишка раба петля».

– Манишка раба петля? – переспросил мой друг.

– Так точно, – ответил я.

– По-моему это какой-то бред, – сказал мой друг простой писатель. – Ты не мог бы написать что-то попроще? Есть столько хороших жанров: фэнтэзи, детектив иронический...

– Ты прав! – просто ответил я своему другу.

– Вот-вот, – обрадовался мой друг простой писатель.

Я наклонился к нему и прошептал на ухо:

– На самом деле заголовки вообще не нужны, а все мальчишки девочки – только игрушки в Её руках.